

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

УДК 811.161.1

А.А. Гиппиус

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

109028 г. Москва, Российская Федерация;

Институт славяноведения Российской академии наук,

119334 г. Москва, Российская Федерация

**Берестяная грамота № 579:
поправка к прочтению
и ее лингвистические следствия**

В статье обосновано новое прочтение основной фразы новгородской берестяной грамоты № 579, датируемой второй половиной XIV в. Показано, что предыдущие версии одинаково неточно передавали буквенный состав текста. Проблемный фрагмент трактован как содержащий форму родительного единственного числа существительного *верещца*, диминутива к *верешь* 'зерно'. Сделанная поправка влечет за собой ряд лингвистических следствий. В новом прочтении грамота содержит: 1) очередной пример шоканья в тексте новгородского происхождения; 2) примеры рефлексации сильного *ь* в виде *ль*; 3) окончания родительного единственного числа и дательного единственного числа твердого и мягкого вариантов *а*-склонения, отражающие систему псковского типа; 4) древнейший восточнославянский пример «родительного временного пользования».

Ключевые слова: берестяные грамоты, древненовгородский диалект, шоканье, рефлексы сильных редуцированных, родительный временного пользования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гиппиус А.А. Берестяная грамота № 579: поправка к прочтению и ее лингвистические следствия // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 60–69. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

A. Gippius

HSE University,
Moscow, 109028, Russian Federation;
Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, 119334, Russian Federation

Birchbark letter No. 579: A corrected reading and its linguistic implications

The article substantiates a new reading of the main phrase of the Novgorod birch-bark letter No. 579, dated to the second half of the XIV century. It is shown that the previous readings equally inaccurately conveyed the literal composition of the text. The problematic fragment is interpreted as containing the G. Sg. form of the noun *verešca*, diminutive of *verešb* 'grain'. This correction entails a number of non-trivial linguistic consequences. In the new reading, the document contains: 1) another example of *šokanie* (matching of *s'* and *š*) in a text of Novgorod origin; 2) examples of reflexation of strong *b* as *ě*; 3) endings of the Gen. Sg. and D.L. Sg. of the *a*-declension, reflecting the system of the Pskov type; 4) the oldest East Slavic example of the 'genitive of temporal use'.

Key words: birchbark documents, Old Novgorod dialect, *šokan'e*, reflexes of strong jers, genitive of temporal use

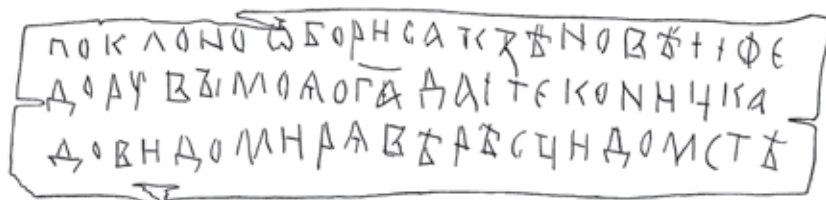
FOR CITATION: Gippius A. Birchbark letter No. 579: A corrected reading and its linguistic implications. *Rhema*. 2025. No. 1. Pp. 60–69. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

Текст берестяной грамоты № 579, найденной на Троицком раскопе в слое третьей четверти XIV в., публиковался трижды: в восьмом томе серийного издания [НГБ VIII, с. 43–44] и в двух изданиях «Древненовгородского диалекта» А.А. Зализняка [ДНД₁, с. 475; ДНД₂, с. 570]. Различия между этими публикациями – особенно существенные между первой и второй – не затрагивают буквенного состава грамоты, до сих пор определявшегося одинаково (рис. 1):

поклоноѿборисакзѣновѣи фе
дору вы мола о г(оспо)да, дайте
коницка до видомира вѣрѣци до мстѣ

a

b

Рис. 1. Грамота № 579: фотография (a), прорись В.И. Поветкина (b)

URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/579/>
(дата обращения: 23.02.2025)

Fig. 1. Birch bark letter No. 579: photograph (a), traced by V.I. Povetkin (b)

URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/579/>
(date of access: 23.02.2025)

Приведем комментарий В.Л. Янина из первой публикации:

«Грамота делится на слова так:

**Поклоно ѿ Бориса к зѣновѣи Федору. Вы мола о г(оспо)да, дайте
коницка до Видомира вѣрѣци, до Мстѣ.**

Мола о з(оспо)да – мои господа. Междометие о перед словом *господа* в берестяных грамотах встречается не впервые. В грамоте № 406 второй половины XIV в. говорится: *А ми тоби о з(оспод)ине Офоносе, кланяесме*. При публикации этой грамоты о перед словом *господине* было принято за ошибку. Теперь очевидно, что написание междометия о перед этим словом было нормой.

Коницка – коничка, лошадку. Видомир – имя собственное, до сих пор не зафиксированное, однако образованное по традиционной модели славянских имен, от «видеть мир» (ср. Любомир, Владимир и т.п.).

В Бежецкой пятине (в Помостье) существует Видимирский погост на Видимирском озере. До *Видомира* – до Видомирова (погоста или озера), до *Мсты* – до Мсты. *Въръци* – возможно, значит, то же, что *веречися* – броситься; в данном случае: быстро добраться, доскакать. Не исключено также, что за такой записью стоит *веретиси* (от *вернути*, *вернути*), то есть повернувши, с поворотом. Так или иначе, смысл грамоты состоит в том, что Борис просит своих господ Зиновью и Федора дать ему коня, чтобы добраться до Видомирова погоста (или озера) и до Мсты» [НГБ VIII, с. 43–44].

В ДНД₁ прочтение было скорректировано следующим образом. Во-первых, *о* в последовательности *огда* было трактовано не как междометие, а с опорой на материал, изложенный в [Зализняк, 1993, с. 233–241] – как «фонетический дополнитель» при идеограмме *гда*, указывающий на чтение *оспода*. Во-вторых, в проблемной последовательности *въръци* было вычленено сочетание <в> *въръ*, встретившееся в грамоте № 724 (третья четверть XII в.) и означающее ‘под клятвой’, ‘под присягой’, ‘под клятвенным обязательством’. В результате текст и перевод основного сообщения приобрели следующий вид: *Вы моа огда, дайте коницка до Видомира въръ, ци до Мсты* ‘Вы мои господа, дайте под клятвенное обязательство лошадку до Видомира или до Мсты’ [ДНД₁, с. 475]. В ДНД₂ эта трактовка перешла с единственным уточнением: из двух обсуждавшихся вариантов интерпретации слов *Вы моа огда* – как утверждения и как обращения – предпочтение было отдано второму. Для последующего разбора это уточнение несущественно.

Преодолевая недостаток исходной версии – допущение значения ‘броситься’ у невозвратного *веречи*, трактовка грамоты в ДНД имеет свои узкие места. Настораживает вносимая разделительным союзом *ци* неопределенность указания цели поездки: до Видомира или до Мсты. С другой стороны, сочетание *в въръ* кажется не вполне уместным в контексте бытовой просьбы к господам: в двух бесспорных примерах его использования (в грамотах № 724 и 154) «вера» выступает как ритуал, связывающий взаимным обязательством лиц социально равных. Не добавляет убедительности такой трактовке и необходимость предполагать ассимиляционное «поглощение» предлога (*въ въръ* > *въръ*); ср. в *вири* в № 154. Нельзя также не заметить, что еще одна предполагавшаяся фиксация этой идиомы в берестяных грамотах (также с невыраженным предлогом) – *несми въръ соу[л]и[л]* – в № 820 (сер. XII в.) – оказалась следствием неверной идентификации одной буквы в сочетании *не ими въръ* ‘не верь’ [Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 220].

Ввиду этих, не имеющих принципиального характера, претензий к актуальной трактовке, обратим внимание на более важное обстоятельство, одинаково игнорируемое обеими интерпретациями. После второго *ъ* в последовательности, транскрибированной как *въръѣци*, имеется знак, о котором в первой публикации говорится: «перед *ц* стоит крючок; похоже, что автор начал писать какую-то букву, но передумал». В ДНД₂ сказано точнее: «незачеркнутая недописанная буква, похожая на низ от *о* или от *с*». Однако ни *о*, ни *с* никто не начинает писать снизу; на прописи же, изготовленной В.И. Поветкиным, в этом месте стоит уверенно прочерченное *с*, что решительно расходится с транскрипцией. Обратившись к фотографии, можно разглядеть верх дуги этой буквы (видимый столь же слабо, как и, например, верхний участок левой дуги второго *о* в слове *поклоно*), а также не отраженную прорисью верхнюю засечку. Иначе как *с* этот знак прочитан быть не может.

Причиной, по которой буква не была включена в транскрипцию, могло быть лишь отсутствие удовлетворительной интерпретации для последовательности *въръѣци*. Такая интерпретация, между тем, находится и заключается в следующем: *въръѣци* – записанная с заменой *ш* на *с*, т.е. эффектом шоканья, форма Р. ед. существительного *верещица* – диминутива к *верешь* ‘зерно’. Отсутствующее в исторических и диалектных словарях русского языка, это слово встретилось в берестяной грамоте № 879 середины XII в.: *Водаи семх еже рыкло, върыщю тх* ‘Выдай подателю сего то, что он скажет (букв.: что он сказал), – то зернецо’¹. В комментируемом документе под «верещей» имеется в виду, очевидно, фуражное зерно. Получаем фразу: *Дайте коницка до Видомира, въръѣци до Мсты*, то есть «Дайте лошадку до Видомира, а зернеца (для нее) – до Мсты». Помимо ясного смысла это прочтение подтверждается тем, что, в полном соответствии со стилистикой берестяных писем, оба существительных выступают в уменьшительных формах.

В связи с такой трактовкой нельзя не коснуться географического аспекта грамоты. В путь до Видомира Борис, по-видимому, должен был отправиться не из Новгорода, от которого до устья Мсты совсем недалеко, а до Видомира – около 200 км. Чтобы миновать Мсту по дороге к Видомирю, он должен был исходно находиться где-то к югу или юго-востоку от Новгорода (например, в Крестцах или Валдае). В этом случае

¹ В этом тексте слово также было распознано не сразу: в первой публикации для последовательности *върыщю* были предложены три возможные интерпретации, допускающие употребление разных личных имен: <Верещу ту>, <Верещуту>, <въ вѣръ Щуту>. Принятая в [НГБ XI, с. 82] версия была предложена в [Гиппиус, 2004, с. 205] в связи с осмыслением коммуникативной организации грамоты, содержащей отсылку к переданному посыльным устному сообщению.

просьба выдать кормового зерна «до Мсты» оказывается оправданный: кратчайшее расстояние от Мсты до Видомирского озера составляет чуть более 40 км, и эту часть пути автор мог рассчитывать преодолеть налегке, не делая ночлега и не кормя коня зерном.

Из нового прочтения основной фразы грамоты проистекают лингвистические следствия, затрагивающие сразу три языковых уровня: фонетику, морфологию и синтаксис.

Для исторической фонетики значим очередной пример отражения шоканья в тексте новгородского происхождения. Число таких примеров в берестяных грамотах постоянно прибывает, и сейчас их известно уже более дюжины (к девяти написаниям, указанным в [ДНД₂, с. 52] позже добавились: *такo зe* 1047 (начало XII в.), *зоронами* (вм. *жоронами*) ‘жерновaми’ 167 (XIV в.) (уточненное прочтение, см. [НГБ XII, с. 209]), *кнaжсь, кнaжсе* <кнaзь> 1153 (XIII в.)². Теперь уже не может быть сомнений в том, что эта черта не была специфически псковской, но, как явление западного происхождения, присутствовала и в древненовгородском диалекте в узком смысле.

В фонетическом отношении представляет интерес также употребление в грамоте *ѣ*. А.А. Зализняк характеризует его как стандартное (ср. *вьръѣ, Мстѣ* vs. *Федору, дайте*), оговаривая особо положение двух *ѣ* в *Зѣновѣи*, из которых первый фонетически закономерен в силу одной из традиций написания данного имени, а второй – ввиду нахождения перед [j], где *ѣ* нередко пишется вместо *и* в текстах, в остальном не отступающих или почти не отступающих от этимологически правильного употребления. Может показаться, что в новом прочтении использование *ѣ* перестает быть фонетически закономерным, но это не так. Оба *ѣ* в слове *вьръѣсци* выступают на месте редуцированного *ь* в сильных позициях (ср. ранне-др.-новг. *вьръшьцьѣ*, где первый *ь* – сильный, т.к. входит в сочетание с плавным, а второй – т.к. как находится в слоге перед слабым редуцированным). В берестяных грамотах, различающих *ѣ* и *е*, помимо стандартной рефлексации сильного *ь* в виде *е*, встречаются и случаи отражения его как *ѣ*. Из примеров, приведенных в [ДНД₂, с. 67], наиболее показательны: *д[ѣ](ржа)ща* 930, *въсь* 697, *деревѣцькъѣ, къѣм(ен)ѣцькъ* 580; ср. также *глазнѣца* в № 1157 (XIII в.), где этот рефлекс выступает в составе обобщившейся основы с проясненным редуцированным [Гиппиус, 2023, с. 22]. Комментируемый документ пополняет эту категорию примеров.

² Еще два примера – *лезни зена* <лежни жена> – представлены в пока не опубликованной надписи на фреске из церкви Успения в Старой Ладоге.

Фонетическое употребление *ѣ*, не смешиваемого с *е* и *и*, делает грамоту источником ценной морфологической информации. Наблюдаемое соотношение флексий Р. и Д. ед. твердого и мягкого вариантов *а*-склонения отлично от ранней древненовгородской системы, в которой во всех этих позициях выступает окончание *-ѣ* (Р. ед. *женѣ*, *землѣ* = Д. М. ед. *женѣ*, *землѣ*). В грамоте эту флексию находим в Р. ед. твердого варианта *до Мстѣ*, при том что в Р. ед. и Д. ед. мягкого варианта выступает окончание *-и*: *въръсци*, к *Зѣновѣи*. За вычетом отсутствующей в грамоте формы Д. ед. твердого варианта это распределение совпадает с системой, которую А.А. Зализняк на основании псковских грамот XIII–XV вв. реконструирует для древнепсковского диалекта: Р. ед. *женѣ*, *земли*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли* [Зализняк, 1993, с. 214]. Одновременное отражение в грамоте шоканья делает это совпадение особенно показательным.

С синтаксической точки зрения примечателен параллелизм словоформ *коницка* и *въръсци*. Первая ранее трактовалась как В. = Р. и вместе с еще двумя примерами из берестяных грамот – *поими моего цалца* 275/266 (вторая пол. XIV в.) и *у мнь кона познали* 305 (нач. XV в.) – рассматривалась в перспективе распространения категории одушевленности на названия животных в древненовгородском диалекте [ДНД₂, с. 107]. По-новому взглянуть на эту группу примеров позволила находка грамоты Ст. Р. 50 (кон. XIII в.). Во фразе *Поведи кони 3: соловои, бурии, Орка* из трех синтаксически однородных названий коней в форме В. = Р. стоит только третье, являющееся кличкой коня, тогда первые два выступают в старой форме винительного падежа. Такое употребление мы, ссылаясь на [Живов, 2017, с. 768–776], связали с большей индивидуализацией объекта, вносимой именем собственным. Таким же образом объясняется и В. = Р. *Цалца* в № 275/266: *Чалый* также является именем лошади (характерно, что и в этой грамоте параллельно фигурирует «карельский конь», упомянутый в форме старого винительного: *поими коне корилескы*). Относительно же формы *коницка* в № 579 мы писали, что в ней следует видеть не винительный падеж, а «родительный временного пользования» (см. [Шахматов, 1963/2001, с. 322] с примером из Н.Г. Помяловского: *даи шаечки, когда вымоешься*). Это значение родительного падежа представлено во всех трех восточнославянских языках, а также в польском (см. литературу в [Мальшева, 2010, с. 65]), и то, что в памятниках древнерусского времени оно до сих не фиксировалось, не дает оснований отказывать ему в древности. В.Б. Крысько, приводя пример из текста второй четверти XVII в., замечает, что происхождение этой формы «в силу ее сугубо разговорного характера, теряется в глубине веков» [Крысько, 1997, с. 200].

В связи с контекстом грамоты невозможно не привести пример, разбираемый Ф.И. Буслаевым: «“посулить кому лошади”, т.е. не вовсе отдать, но дать на подержание, на некоторое время и с возвратом потом; а “посулить кому лошадей” – значит отдать совсем, подарить» [Буслаев, 1959, с. 461]. Поскольку данное значение представляет собой, по сути, реализацию во временном плане партитивного значения, появление параллели к *коницка* в виде однозначного партитива *въръсци* окончательно подтверждает такую интерпретацию³.

Завершив обзор лингвистических следствий из сделанной поправки, приведем текст грамоты целиком в актуальном прочтении и с новым переводом:

**поклоно ѿ бориса к зѣновѣ і фе-
дору вы моа огѧ дайте коницка
до видомира въръ[с]ци до мстѣ**

Перевод: ‘Поклон от Бориса к Зиновии и Федору. Вы – мои господа, дайте лошадку до Видомира и зернеца [для нее] до Мсты’.

Библиографический список / References

Буслаев, 1959 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. [Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow, 1959.]

Гиппиус, 2004 – Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) М., 2004. С. 183–232. [Gippius A.A. Towards pragmatics and communicative organization of birchbark letters. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.). Moscow, 2004. Pp. 183–232. (In Rus.)]

Гиппиус, 2020 – Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37. [Gippius A.A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. Voprosy jazykoznanija. 2020. No. 5. Pp. 22–37. (In Rus.)]

Гиппиус, Сичинава, 2021 – Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259. [Gippius A.A., Sichinava D.V. Addenda et corrigenda for previously published birchbark letters [XIII]: A pre-publication. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii. 2021. No. 2. Pp. 178–259. (In Rus.)]

³ Заметим, что оставшийся в результате этой фильтрации примеров единственный в берестяных грамотах контекст с В. = Р. у «нейтрального» названия животного (у *мынь кона познали* 305) может также быть неслучайным и объясняться индивидуализацией объекта, имеющей место в ситуации опознания коня.

ДНД₁ – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, 1995.]

ДНД₂ – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow, 2004.]

Живов, 2017 – Живов В.М. История языка русской письменности. Т. 1. М., 2017. [Zhivov V.M. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti* [History of the Russian written language]. Vol. 1. Moscow, 1959.]

Зализняк, 1993 – Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321. [Zaliznyak A.A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow, 1993. Pp. 191–321. (In Rus.)]

Крысько, 1997 – Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997. [Krysko V.B. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Obekt i perekhodnost* [Historical syntax of Russian. Object and transitivity]. Moscow, 1997.]

Малышева, 2010 – Малышева А.В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. [Malysheva A.V. *Iz istorii russkogo glagol'nogo upravleniya: obyektnyi genitive (na material russkikh letopisei i sovremennykh arkhangel'skikh govorov)* [From the history of Russian verbal government: The genitive of object (based on Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects)]. PhD dis. Moscow, 2010.]

НГБ VIII – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow, 1986.]

НГБ IX – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1984–1989)]. Moscow, 1993.]

НГБ XII – Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow, 2015.]

Шахматов, 1963/2001 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001. [Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of Russian]. 3rd ed. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 06.01.2025
The article was received on 06.01.2025

Сведения об авторе / About the author

Гиппиус Алексей Алексеевич – академик Российской академии наук, доктор филологических наук; профессор факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва

Aleksey A. Gippius – Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Phil. Hab.; Professor at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow; principle research associate at the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute for Slavic Studies, RAS, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7797-9446>

E-mail: agippius@mail.ru